

ЧИТАЛЬНЯ
Михаила Елизарова

Михаил Елизаров

PASTERNAK

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Эскиз иллюстрации МАРИИ АККЕРМАН

Оформление переплёта ВИКТОРИИ ЛЕБЕДЕВОЙ

Елизаров, Михаил Юрьевич.

Е51 Pasternak : [роман] / МИХАИЛ ЕЛИЗАРОВ. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 315, [5] с. — (Читальня Михаила Елизарова).

ISBN 978-5-17-122122-5

Михаил Елизаров — прозаик, музыкант, автор романов “Земля” (премия “Национальный бестселлер”), “Библиотекарь” (премия “Русский Букер”) и “Мультики”, сборников “Ногти” (шорт-лист премии Андрея Белого), “Мы вышли покурить на 17 лет” (приз читательского голосования премии “НОС”), “Кубики”.

Роман “Pasternak” состоит из битв и философских диспутов, его называют интеллектуальным триллером, православным боевиком с элементами достоевщины и тарантиновщины. Поэт Пастернак предстаёт здесь гигантским демоном, порождением зла, захватывающим умы русской интеллигенции, а борьба с ним ведётся не словом, но оружием.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122122-5

© Елизаров М.Ю.
© ООО “Издательство АСТ”

Оглавление

ПРОЛОГ

7

ЧАСТЬ I

Дед

27

ЧАСТЬ II

ОТЦЫ

141

ЧАСТЬ III

Pasternak

267

Эпилог

301

ПРОЛОГ

Живаго

Грохот станков и визгливые полутона циркулярной пилы едва доносились в подвал. Ветхие стеллажи, полные бумаг, заглушали производственный шум.

Пётр Семёнович женским движением расправил складки огромных, почти до плеч, нарукавников, перешитых из спортивных штанов “*Adidas*”. Белая лилия на правом нарукавнике фосфорно полыхала в бледном свете, проникавшем сквозь маленькое окно под потолком. Стопки бумаг уменьшили оконный проём вчетверо, оставив прорезь в ладонь шириной.

Напротив Пётра Семёновича, отделённый широкой границей стола, возвышался Кулешов. Сумрак одел его до плеч в балахон однородного серого цвета, только голову обрамлял светлый венчик, высвечивающий под волосами макушку лимонного цвета. Стёкла в громоздкой пластмассовой оправе множили усталость его глаз.

— Пётр Семёнович — хуесос! — сказал Кулешов.

— Вадим Анатольевич, ваше вопиющее хамство на сей раз преступило всякие границы, — затараторил со скоростью тараканьих лапок Пётр Семёнович. — Как смее вы

бросать мне в лицо такие чудовищные обвинения, не имея на то ни малейших доказательств! Если не ошибаюсь, хуесосом зовётся человек, который сосёт хуй. Скажите, вы хоть раз заставляли меня за, прошу прощения, но выскажусь в вашей терминологии, сосанием хуя? Отвечайте: заставляли? Нет! Никогда! А высказывал ли я при вас когда-нибудь мои личные пожелания совершить с кем-либо подобный акт? Нет! Может, я подходил к вам с соответствующей литературой, с видеокассетами и в восторженных тонах отзывался об увиденном? Нет и ещё раз нет!

— Вот как вы заговорили, — произнёс Кулешов с перевёрнутой злой улыбкой. — Стоило мне высказать нечто безосновательное, но не просто в воздух, а по вашему адресу — и как же вы взбеленились! Прямо не узнать. Сразу потребовались аргументы. Так почему же вы, милейший, берёте на себя смелость постулировать более чем сомнительные измышления, да ещё вековой свежести?

— И не сравнивайте, — замахал руками Пётр Семёнович, — в моём случае речь идёт о знаниях, возраст которых исчисляется бесконечностью, а в вашей параллели, как в уродливом зеркале, отражается бездуховный лик материалистического невежества.

— Что ж, тогда мы снова возвращаемся на исходные позиции. Пётр Семёнович — хуесос!

— От него и слышу!

Кулешов перевалился через стол и нанёс Петру Семёновичу удар по рёбрам, от которого тот обсыпался, как песчаная постройка.

— Кто здесь хуесос?!

— Хорошо-хорошо, перестаньте! — взвизгнул Пётр Семёнович. — Я скажу, скажу! Ваша взяла, банкуйте! Если это так важно, то, пожалуйста, мне это совершенно ничего не

стоит. Извольте. Если вам от этого станет легче, то, ради бога, мне не жалко, чёрт с вами, только отвяжитесь. Я — хуесос! Ну что, полегчало?

Кулешов устало присел:

— От вашего упрямства можно с ума сойти...

— Это кто ещё из нас упрямец, Вадим Анатольевич, — потирая бок, усмехнулся Пётр Семёнович.

— Просто вы меня замучили!

— Вы сами себя замучили. Своим нежеланием воспринимать вселенские истины.

— И это говорит человек с высшим образованием!

— Ва-дим А-на-толь-е-вич! Ми-лень-кий! В сотый раз повторяю, что вы утратили дар понимать живые слова!

— Да вы реальность подменяете трупной эзотерикой! — Кулешов разгневанно хлопнул по столу.

— Вот, — Пётр Семёнович многозначительно наострил палец, — вот речь закоренелого представителя эпохи Кали-Юги!

— Вы мне Изидку вашу голожопую бросьте цитировать! Я этот бред эмансипированной барыньки не хуже других знаю! Читал-с! — Он вскочил с места. — А самое противное, что вы сами во всё это не верите. Грош цена вашим убеждениям, если мне стоит чуть надавить, и вы с буддистским спокойствием от них трижды отрекаетесь.

— Не скажи-и-ите, — протянул Пётр Семёнович, — в наших прениях дух мой крепнет час от часу. Вы же не станете отрицать, что в последний раз я довольно-таки долго продержался. Поэтому я даже благословляю то маленькое усилие, которому вы меня подвергли.

— Да при чём здесь это! Я диву даюсь, сколько раз зарекался с вами связываться, а вы всё равно раскручиваете меня на очередной бессмысленный диспут.

— Значит, не всё потеряно, мой дорогой, и ваше сердце ещё способно на мгновение заглушить животный рассудок, презренный интеллект. Ваше высшее “Я” нуждается в этих беседах, задыхаясь от духовной жажды, оно требует нескольких капель истины!

Кулешов судорожно моргнул.

— Хорошо, давайте абстрагируемся от ваших теософских представлений. Я не буду пытаться здесь подвергать критике доктрину кармы, равно как и вставать грудью на защиту Евангельского возвещения. Мы пойдём самым корректным путём сугубо исторического аспекта.

— Давайте, мой хороший, давайте... — оглаживая тело, сказал Пётр Семёнович.

— Ну как с вами можно общаться, когда у вас на лице уже появилась эта идиотская скептическая улыбочка?! Говорите, мол, Вадим Анатольевич, свои благоглупости, я всё равно остаюсь при своём мнении. Так? Я прав, да?! Кивает и лыбится как параша! Что ты киваешь, скотина? Так что ли, блядь тибетская?! Так что ли, лемуриец хуев?!

— Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав, — Пётр Семёнович добродушно улыбнулся.

— Ах ты, пидор! — задохнулся бешенством Кулешов.

Пётр Семёнович послушно согнулся от удара:

— Вы не умеете спорить, Вадим Анатольевич!

— В споре с пидарасами истина не рождается, а умирает! — крикнул Кулешов, отвешивая бессильные оплеухи. — Эти идеи Платон сожрал и высрал! Блаватская его говно сожрала и снова высрала! Рерихи двойным говном обмазались! А ты, низший разум, их облизываешь! Отвечай, хуесос, облизываешь?!

— Облизываю! — с готовностью согласился Пётр Семёнович, опасливо пятясь от Кулешова. — Ибо животную

душу нельзя будить ничем иным, кроме страданий. Единственный способ выдержать муки — это возвыситься над ними, перенести точку опоры с тела, которое страдает, на дух. Мучающийся человек становится более духовным.

— Поразительно, — оглушённо рассуждал Кулешов, — как за каких-нибудь несчастных десять лет деградировали образы, питающие все истерические пандемии обществ. Кажется, ещё вчера предметом коллективных помешательств были проблемы атомной энергии, ядерной физики, лазера, электроники, космоса, пришельцев. Человек был индуцирован наукой, а не мещанским вуду-коктейлем из каббалистики, ламаизма и изнасилованного христианства!

— Это прекрасно, что вы сами упомянули о пришельцах, — оживился Пётр Семёнович. — Именно инопланетные существа стали нашей божественной частью, бессмертной душой. Этих старших братьев по разуму, рождённых на более развитой планете, мы называем Махатмами или Великими Учителями.

— Не смейте извращать мои слова в угоду вашему ущемлённому слабомуию!

— Блаженные духом ближе к Богу, чем те, кто сделал интеллект высшей целью.

— Нет, любезный, это не про вас писано! Вы не блаженны, вы — мерзавец!

— Как ужасна ваша участь, — ненатурально вздохнул Пётр Семёнович. — Оборвав связь с внутренним Христом, с вашей бессмертной душой, вы воплотитесь на Земле, быть может, два или три раза — и исчезнете навсегда, пережив кошмар окончательного разложения!

— Ах ты, буддист кришноебучий! — Кулешов пнул Петра Семёновича в мягкий, будто набитый тряпками живот. —

Христианство — не полигон для оккультно-кармических испытаний. Понятно, сука?!

— В общих чертах, — Пётр Семёнович выдул на губах жабы пузыри, облизнулся.

— Просочились, как тараканы, во все щели! Нравственные ориентиры! Духовные идеалы! Хочешь, малюй свои горы, а дальше не лезь!

— Чем вам живопись не угодила?

— Да разве я о картинках? Я говорю о теософии вашей индо-рязанской!

— Но согласитесь, что нравственные законы, предложенные Иисусом, во многом напоминают буддийские.

— Просто вы заиклены на эзотерической трактовке христианской символики и текстов! Разумеется, сторонники теософии горазды утверждать, что, несмотря на все разномыслия традиционных религиозных мировоззрений, на уровне глубинном они раскрывают единую истину. Только при ближайшем рассмотрении, милейший, выясняется, что созданные мифы с исторической реальностью не сочетаются!

— А куда же деть тот очевидный факт, — Пётр Семёнович сверкнул победным глазом, — что Кришна, Будда и Христос — это души с одной биографией, триединое, так сказать, пламя вечности, а?

— А вот если я тебе по ебалу сейчас съезжу, будешь апеллировать к триединому пламени? — в голосе Кулешова загудели близкие громы.

— Не так-то просто запугать меня, Вадим Анатольевич! — он запоздало попятился.

— Смотри, как заговорил, пидор гималайский! — прямой удар в лицо свалил шаткого Петра Семёновича с ног. — Не претендуй, сука, на христианство, не претендуй на науку!

Пётр Семёнович утёрся нарукавником:

— И в мыслях не было!

— А я не верю! — крикнул Кулешов.

— Как обидно... Почему? В большинстве пунктов я с вами полностью согласен, но есть фрагменты, требующие дополнительного разъяснения. Это же нормально, естественно!

— Что вам ещё не понятно?! Я устал повторять: христианство не нуждается для своего понимания в оккультной трактовке. Да, двести лет назад в розенкрейцерских и прочих масонских шарашках муссировались идеи пантеизма, посмертных воплощений, кармы, но в настоящее время превозносить новобуддийское шаманство, по меньшей мере, дико! Вот и вся моя философия!

— Это понятно, — примирительно сказал Пётр Семёнович. — С этим никто не собирается спорить.

— Тогда что ещё?! Что ещё не понятно, отвечайте, чёрт вас раздери!

— Меня волнует исключительно технический аспект. Вам как инженеру это должно быть близко. Когда вслед за физической истают астральная и ментальная плоть, все высшие накопления вознесут наше сознание к истинно бессмертному “Я”. Вам это несложно представить, ибо вознесение напоминает работу ракетного многоступенчатого двигателя...

— Что вы мне нервы трепете! Что вы повадились сюда?! Дьявол какой-то! Вы мне работать не даёте, у меня от вас инфаркт будет!

— Просто на миг вообразите, — страстно продолжал Пётр Семёнович, — вы живёте одновременно во многих мирах, из которых наш, материальный, — самый примитивный и низкий. Ведь что такое Рай? Это не фруктовый сад и прогулки с арфами, а огненный мир напряжённой мысли-